

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ СДВИГ 2017 ГОДА:  
КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА КАК ОФОРМЛЕНИЕ  
«ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИКИ» В ТУРЦИИ**

**МАМЕДОВ Алиаскер Эльманович**

советник юстиции 3 класса, аспирант

Института социально-гуманитарного образования,

Московский педагогический государственный университет (МПГУ)

**E-mail:** mamedov.aliasker2014@yandex.ru

**SPIN-код:** 6915-2093

**ORCID:** 0009-0001-9590-9828

**Для цитирования:** Мамедов А.Э. Институциональный сдвиг 2017 года: конституционная реформа как оформление «Четвертой республики» в Турции // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 106–119. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.07.

**Аннотация.** Статья посвящена комплексному анализу конституционной реформы 2017 г. в Турции, которая рассматривается как ключевой институциональный сдвиг, оформивший переход к «Четвертой республике». Автор доказывает, что реформа вышла за рамки смены формы правления, осуществив системную трансформацию турецкой государственности. Исследование раскрывает этот процесс в двух аспектах. Во-первых, прослеживается демонтаж прежней кемалистской системы «опекаемой демократии» через политико-правовые механизмы, включая судебные процессы «Эргенекон» и «Кувалда», которые нейтрализовали армию как политического арбитра. Во-вторых, проводится детальный разбор новой системы управления: упразднение поста премьер-министра, наделение президента правом издавать указы с силой закона и реформа Высшего совета судей и прокуроров, что привело к концентрации власти и ослаблению системы сдержек и противовесов. Особое внимание уделяется идеологическому измерению – трансформации принципа лаицизма, усилению роли Управления по делам религии (Диянет) и использованию права для продвижения неоосманизма как новой конституционной идентичности.

**Ключевые слова:** гиперпрезидентализм, диянет, исламизм, конституционная реформа Турции, неоосманизм, опекаемая демократия, политико-правовая система, светское государство (лаицизм), Четвертая республика.

## Institutional Shift of 2017: Constitutional Reform as Establishment of “Fourth Republic” in Turkey

**Aliasker E. MAMEDOV**

Counselor of Justice of the 3rd Class, PhD Student, Institute of Social  
and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

**E-mail:** mamedov.aliascker2014@yandex.ru

**SPIN-code:** 6915-2093

**ORCID:** 0009-0001-9590-9828

**For citation:** Mamedov A.E. (2026). Institutional Shift of 2017: Constitutional Reform as Establishment of “Fourth Republic” in Turkey. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 106–119. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.07.

**Abstract.** This article provides a comprehensive analysis of the 2017 constitutional reform in Turkey, examining it as a pivotal institutional shift that formalized the transition to the “Fourth Republic”. The author argues that the reform went beyond a mere change in the form of government, bringing about a systemic transformation of the Turkish state. The study explores this process in two key dimensions. Firstly, it traces the dismantling of the previous Kemalist “protected democracy” system through political and legal mechanisms, including the “Ergenekon” and “Sledgehammer” trials, which neutralized the military as a political arbiter. Secondly, it provides a detailed analysis of the new governance system: the abolition of the office of the Prime Minister, the granting of presidential decree powers with the force of law, and the reform of the Council of Judges and Prosecutors, which led to a concentration of power and a weakening of checks and balances. Special attention is paid to the ideological dimension – the transformation of the principle of secularism, the enhanced role of the Directorate of Religious Affairs (Diyanet), and the use of law to promote Neo-Ottomanism as a new constitutional identity.

**Keywords:** hyper-presidentialism, political and legal system, Directorate of Religious Affairs (Diyanet), Islamism, Turkish constitutional reform, neo-Ottomanism, protected democracy, secular state (laicism), Fourth Republic.

### Введение

Турецкая Республика с момента своего основания в 1923 г. представляет собой уникальный объект для историко-правового исследования. Ее развитие является наглядным примером сложного и нелинейного процесса трансформации политико-правовой системы, в котором тесно переплелись имперское наследие, радикальная вестернизация «сверху» и поиск собственной цивилизационной идентичности. В XXI в. Турция под руководством Партии справедливости и развития (ПСР) демонстрирует модель, бросающую вызов устоявшимся теоретическим конструкциям, где заимствованные западные институты наполняются принципиально иным, автохтонным содержанием.

Кульминацией этого многолетнего процесса трансформации стала конституционная реформа, одобренная на референдуме 16 апреля 2017 г. и вступившая в силу в 2018 г. В научной литературе ее нередко сводят к технической замене парламентской формы республиканского правления на президентскую. Однако такой подход не позволяет раскрыть подлинную сущность и масштаб произошедших изменений. Данное исследование исходит из гипотезы, согласно которой реформа 2017 г. представляет собой институциональное оформление неоосманизма и переход к «Четвертой республике», знаменующее качественно новый этап в развитии турецкой государственности.

Целью статьи является комплексный юридический анализ конституционной реформы 2017 г. как инструмента легитимации фундаментального переустройства турецкой государственности. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- проследить историко-правовой контекст, в котором вызревала реформа, от кемалистского этатизма до модели «опекаемой демократии»;
- проанализировать правовые механизмы, использовавшиеся для демонтажа прежней кемалистской системы в период 2002–2016 гг.;
- провести детальный юридический разбор ключевых положений реформы 2017 г., доказав ее качественное отличие от предыдущих конституционных моделей;
- раскрыть идеологическое измерение реформы, показав, как право превратилось в инструмент продвижения парадигмы неоосманизма.

Методологическую основу работы составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы, позволяющие выявить генетические связи между этапами развития и провести сравнительный анализ конституционных моделей Турции. Теоретической рамкой исследования выступает концепция «диалектического отрицания», в которой каждая новая модель государственности возникает из противоречий предыдущей, наследуя при этом ее ключевые элементы.

### **Историко-правовой контекст: от кемализма к «опекаемой демократии»**

Чтобы осознать масштаб институционального сдвига, произошедшего в 2017 г., необходимо обратиться к государственно-правовым моделям, которые ему предшествовали. Историческое развитие турецкого конституционализма носило циклический характер, где каждая новая модель формировалась как реакция на кризис предыдущей, оставаясь, однако, в рамках общей кемалистской парадигмы, основанной на этатизме, лаицизме и унитаризме. В качестве справки напомним, что А.Г.о. Байрамов<sup>1</sup> и

<sup>1</sup> Байрамов А.Г. Эволюция формы Турецкого государства (XIII–XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – С. 73–74.

А.Р.о. Исазаде<sup>2</sup> подразделяли республиканский период турецкой истории на Первую (1924–1960), Вторую (1961–1981) и Третью (1982 – н.в.) республики. Основанием для периодизации у них послужил сам факт принятия новых конституций с перераспределением баланса сил между ветвями власти. Иных глубоких и комплексных работ по истории развития современной турецкой государственности в отечественной юриспруденции сегодня нет.

Краеугольным камнем первоначальной республиканской модели стала Конституция 1924 г.<sup>3</sup> Формально учредив парламентскую республику, она де-факто закрепила систему «Parti-Devlet» («Партия-Государство») с безусловным доминированием Республиканской народной партии и культом личности Мустафы Кемалья Ататюрка. Принцип верховенства Великого национального собрания Турции (ВНСТ) как единственного выразителя национального суверенитета сочетался с жестким подавлением любой политической и идеологической оппозиции, что свидетельствовало о глубоком внутреннем противоречии между провозглашенными демократическими принципами и авторитарной практикой их реализации.

Переход к многопартийности после Второй мировой войны и приход к власти Демократической партии (ДП) в 1950 г. не разрешили это противоречие, а вывели его на новый уровень<sup>4</sup>. Период правления Демпартии (1950–1960) продемонстрировал феномен «авторитарности большинства», когда демократически избранное правительство, столкнувшись с экономическими трудностями и растущей оппозицией, стало использовать формально легитимные процедуры для подавления инакомыслия и узурпации власти<sup>5</sup>, что в итоге привело к политическому параличу и насилию.

Ответом на этот кризис стал военный переворот 1960 г. и принятие Конституции 1961 г.<sup>6</sup> Эта либеральная по духу конституция пыталась ограничить риски «тирании большинства» путем создания системы сдержек и противовесов. Впервые в турецкой истории был учрежден Конституционный суд, введен двухпалатный парламент и расширен каталог

---

<sup>2</sup> Исазаде А.Р. Государственной строй и правовая система Турции. – Баку: Издательство «Азербайджан», 2005. – С. 147, 282.

<sup>3</sup> Конституция Турецкой Республики (принята Законом № 491 от 20.04.1924) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 20.04.1924. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/oncelki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения: 15.08.2025).

<sup>4</sup> Мамедов А.Э. Идеиное наследие Ататюрка в годы испытаний: Истет Инёню между кемализмом и пантюркизмом // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 123.

<sup>5</sup> Такас М. Религиозная политика Демократической партии Турции (1946–1950) // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2020. – № 1 (118). – С. 65.

<sup>6</sup> Конституция Турецкой Республики (принята Законом № 334 от 9 июля 1961 года) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 09.07.1961. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/oncelki-anayasalar/1961-anayasasi/> (дата обращения: 25.08.2025).

прав и свобод. Однако именно эта либерализация, как почувствовала военная и бюрократическая элита, привела к новой волне политической нестабильности и идеологической поляризации в 1970-х годах, продемонстрировав хрупкость демократических институтов в условиях сохранения этатистского менталитета и неготовность правящего класса к подлинному плюрализму.

Кульминацией этатистско-охранительской традиции стала Конституция 1982 г.<sup>7</sup>, принятая после очередного военного переворота и действующая по сей день (уже в радикально измененной редакции). Ее первоначальная редакция юридически оформила модель «опекаемой демократии» (protected democracy). Ключевую роль в этой системе играл Совет национальной безопасности (Milli Güvenlik Kurulu – MGK). Согласно изначальной редакции статьи 118 Конституции ТР 1982 г., MGK был обязан «доносить до Совета министров свои рекомендации по необходимым мерам защиты существования и независимости государства, единства и неделимости страны и мира и безопасности общества». Эти рекомендации де-факто имели обязательную силу для гражданского правительства<sup>8</sup>, что институционализировало роль армии как верховного «арбитра» политической жизни и гаранта незыблемых основ республики. Таким образом, к началу правления ПСР в Турции сложилась устойчивая гибридная система, где электоральная демократия существовала в жестких рамках, установленных и охраняемых военно-бюрократической элитой. Все предыдущие конституционные изменения, несмотря на их различия, происходили *внутри* этой кемалистской парадигмы. Реформа 2017 г. бросила вызов именно этому фундаментальному консенсусу.

### **Демонтаж старой системы: правовые механизмы «тихой революции» (2002–2016)**

Приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. ознаменовал начало системного демонтажа сложившейся модели «опекаемой демократии». Правящая элита избрала стратегию «тихой революции» – поэтапной трансформации системы не через открытый разрыв, а через использование ее же правовых механизмов для последовательной нейтрализации институтов – «стражей» кемалистского режима<sup>9</sup>.

---

<sup>7</sup> Конституция Турецкой Республики (принята Учредительным собранием 18 октября 1982 года, с изм. и доп. от 21.01.2017) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 18.10.1982. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/anayasa/> (дата обращения: 03.09.2025).

<sup>8</sup> Özbudun E. The Constitutional System of Turkey: 1876 to the Present. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 89.

<sup>9</sup> Мамедов А.Э. Турецкая Республика: историко-правовой анализ трансформации от Ататюрка к Эрдогану // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 642.

Ключевым направлением этой стратегии стала нейтрализация политического влияния турецких вооруженных сил, которое на протяжении десятилетий опиралось на формальные и неформальные рычаги власти, закрепленные в Конституции 1982 года. Главным инструментом в этой борьбе стали громкие судебные процессы – «Эргенекон» (*Ergenekon davası*, 2008–2016) и «Кувалда» (*Balyoz darbe planı*, 2010–2014).

С юридической точки зрения эти процессы продемонстрировали использование права как оружия в политической борьбе. Сотни обвиняемых, включая высокопоставленных действующих и отставных военных, журналистов, академиков и оппозиционных политиков, были осуждены по обвинениям в создании террористической организации и подготовке государственного переворота. Однако доказательственная база вызвала серьезные сомнения у экспертного сообщества и правозащитных организаций, указывавших на сфабрикованность доказательств и грубые процессуальные нарушения. Что это: юридический фасад для политической чистки? Несмотря на последующее полное оправдание всех фигурантов<sup>10</sup>, политико-правовые последствия оказались необратимыми: авторитет и влияние армии как автономного политического актора были подорваны, а офицерский корпус подвергся массовой чистке.

Параллельно правящая элита провела серию законодательных реформ, направленных на ослабление институциональной автономии. Так, в 2010 г. был принят пакет конституционных поправок, которые, будучи формально направлены на либерализацию (усложнение процедуры запрета партий, право индивидуального обращения в Конституционный Суд ТР), на практике изменили состав и структуру ключевых судебных органов, включая Высший совет судей и прокуроров (HSYK), что позволило установить над ними более плотный контроль со стороны исполнительной власти.

Кульминацией противостояния стал коррупционный скандал 17–25 декабря 2013 г., когда правоохранительные органы, связанные с движением Фетхуллага Гюлена, инициировали расследование против членов кабинета министров. Власти ответили масштабными контрмерами: были проведены законодательные изменения, переподчинившие судебную полицию министерству юстиции, и начаты чистки в органах правопорядка<sup>11</sup>. Этот этап показал, что борьба ведется не только со старой кемалистской элитой, но и с любыми альтернативными центрами влияния, включая бывших союзников.

---

<sup>10</sup> Вниманию! По всем обвиняемым в деле «Кувалды» вынесен оправдательный приговор! Flaş! Balyozda tüm sanıklara tahliye! // Milliyet. – Турец. яз. – URL: <http://siyaset.milliyet.com.tr/balyozda-ilk-tahliye/siyaset/detay/1899685/default.htm> (дата обращения: 22.04.2026).

<sup>11</sup> Turkey 2020 Report // European Commission. – Brussels, 2020. – URL: [https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/turkey-report-2020\\_ru](https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/turkey-report-2020_ru) (дата обращения: 12.09.2025).

Таким образом, к 2016 г. правящий режим методами «управляемого права» расчистил пространство для кардинальной конституционной реформы, устранив или ослабив все основные институты, способные оказать ей организованное сопротивление – армию, независимую судебную систему и политическую оппозицию внутри государственного аппарата.

### **Конституционная реформа 2017 г.: институциональное оформление «Четвертой республики»**

«Как правило, – пишет Т.Я. Хабриева, – инициация конституционной реформы происходит на уровне институтов государственной власти. Зачастую они же являются и субъектами соответствующей законодательной инициативы»<sup>12</sup>. В современной Турции именно это и произошло: функционеры от правящей Партии справедливости и развития, в том числе премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, публично выразили намерение перехода на президентскую форму правления еще в 2005 г. и с тех пор неустанно продвигали эту повестку<sup>13</sup>.

Кульминацией многолетней трансформации турецкого политико-правового пространства стала конституционная реформа, одобренная на референдуме 16 апреля 2017 г. и вступившая в силу после президентских и парламентских выборов 24 июня 2018 г. (Закон от 21.01.2017 № 6771<sup>14</sup>). Юридическая сущность данной реформы выходит далеко за рамки технической корректировки системы правления. Она представляет собой системную перенастройку основ конституционного строя, знаменующую переход от модели «опекаемой демократии» к президентской республике турецкой модели, которую часто называют суперпрезидентской.

Центральным элементом реформы стало упразднение парламентской системы, являвшейся стержнем турецкого конституционализма с 1924 г. Согласно новой редакции статьи 104 Конституции Турецкой Республики, «исполнительная власть и функции осуществляются Президентом Республики». Данная формулировка носит императивный и исключительный характер. На ее основе был ликвидирован пост премьер-министра, а Совет министров заменен на Президентский кабинет, члены которого (вице-

---

<sup>12</sup> Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 5: монографии. Содерж.: Конституционная реформа в современном мире. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении. – Москва: РАН, 2018. – С. 141.

<sup>13</sup> Заявление ПСР о президентстве: референдум может быть проведен в апреле. AKP'den başkanlık açıklaması: Nisan ayında referanduma gidilebilir // Bir Gün. – 19.10.2016. – Турец. яз. – URL: <https://www.birgun.net/haber/akp-den-baskanlik-aciklamasi-nisan-ayinda-referanduma-gidilebilir-132029> (дата обращения: 12.10.2025).

<sup>14</sup> Закон от 21.01.2017 № 6771. Sayı: 29965. Kanun No: 6771 // Resmi Gazete. – 21.01.2017. – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2017/02/20170211-1.htm> (дата обращения: 01.10.2025).

президенты и министры) назначаются и смещаются единоличным решением главы государства без необходимости получения вотума доверия от Великого национального собрания Турции (ВНСТ). Это изменение упразднило важное начало парламентаризма – коллегиальную ответственность правительства перед представительным органом власти.

Помимо концентрации в своих руках всей полноты исполнительной власти, президент республики получил беспрецедентные законодательные полномочия. В соответствии с частью 2 статьи 104, президент наделен правом издавать президентские указы (*cumhurbaşkanlığı kararnamesi*), которые имеют силу закона (вообще, такое право было в свое время у М. Кемалю). Хотя формально эти указы не могут регулировать вопросы, прямо отнесенные к законодательной сфере (основные права, обязанности, политические права), широта формулировки позволяет регулировать практически все иные сферы общественной жизни, что создает конкуренцию полномочиям законодательной ветви власти и серьезным образом ставит под сомнение действительную монополию парламента на законотворчество. Как отмечалось в Заключении Венецианской комиссии, «предоставление Президенту столь широких полномочий по изданию указов несовместимо с фундаментальными принципами демократии, основанной на разделении властей»<sup>15</sup>.

Роль парламента (ВНСТ) в новой системе была радикально ослаблена. Он утратил ключевые контрольные функции, включая возможность вынесения вотума недоверия правительству. Его законодательная инициатива может быть заблокирована президентским вето, для преодоления которого требуется абсолютное большинство голосов всех депутатов (301 голос), что делает этот процесс крайне затруднительным в условиях расколотого парламента.

Судебная власть также подверглась реформе, направленной на усиление влияния исполнительной власти. Изменения коснулись Высшего совета судей и прокуроров (HSYK). Согласно поправкам президент республики получил право назначать 6 из 13 членов Совета, при этом одним из членов Совета по должности является министр юстиции. Подобная конструкция, по оценке профессора Э. Озбудуна, «ознаменовала конец независимости судебной власти и ее подчинение политическим интересам правящей партии»<sup>16</sup>.

Таким образом, конституционная реформа 2017 г. создала не просто президентскую, а гиперпрезидентскую модель управления, характери-

---

<sup>15</sup> Venice Commission. Opinion N 875/2017 on the Amendments to the Constitution adopted by the Grand National Assembly on 21 January 2017 and to be submitted to a National Referendum on 16 April 2017 // Council of Europe. – Strasbourg, 2017. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2017\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2017)005-e) (дата обращения: 15.10.2025).

<sup>16</sup> Özbudun E. Turkey's Judiciary and the Drift Toward Competitive Authoritarianism // The International Spectator. – 2015. – Vol. 50, № 2. – P. 45. – DOI: 10.1080/03932729.2015.1020651.

зующуюся беспрецедентной концентрацией властных полномочий в руках одного лица при системном ослаблении всех институтов сдержек и противовесов – парламента, судебной системы и автономных административных органов. Внимательный читатель напомним, что прецедент сверхполномочий главы государства в политической истории современной Турции все же был – это Ататюрк; однако же возразим, что Мустафа Кемаль, будучи главой государства, одновременно был еще и председателем парламента, и тогдашняя турецкая легислатура имела неизмеримо больший вес, чем нынешняя. Это позволяет квалифицировать реформу не как эволюционное изменение, а как институциональный сдвиг, учредивший новую, «Четвертую», республику.

### **Идеология и право: неоосманизм как новая конституционная идентичность**

Институциональный сдвиг, закрепленный конституционной реформой 2017 г., имел не только структурное, но и глубокое идеологическое измерение. Правовая система Турции, оставаясь формально светской, претерпела фундаментальную трансформацию своей сущностной направленности. Если ранее право выступало инструментом защиты лаицистско-националистической парадигмы кемализма, то в период правления ПСР оно эволюционировало в инструмент продвижения новой неофициальной идеологии – неоосманизма. Этот процесс нашел отражение в переосмыслении ключевых конституционных принципов и в изменении вектора правового регулирования в социальной сфере.

Действующая власть в Турции не придерживается строго концептуальных рамок классического кемализма, а значит, идеологический догматизм ей чужд. Востоковед Ю. Мавашев указывает, что верхушка ПСР не скрывает пietetа в отношении султана Абдул-Хамида II<sup>17</sup> – того самого, который правил империей единолично с 1876 по 1908 гг., пока не случилась Младотурецкая революция.

Наиболее показательной является эволюция толкования и применения принципа лаицизма (светскости), закрепленного в статье 2 Конституции. Агрессивный кемалистский лаицизм, направленный на вытеснение религии из публичной сферы, уступил место модели «патерналистского лаицизма». В этой модели государство не отделяется от религии, а берет на себя роль ее активного регулятора и «покровителя», интегрируя ислам в публичное пространство в контролируемой и лояльной государству форме. Ярким примером стала легализация ношения исламского головного убора (хиджаба) в университетах (2011) и государственных учреждениях (2013), возвращение статуса мечети «Айя-Софие» (2020). Важно

---

<sup>17</sup> Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Ататюрком и Эрдоганом: монография / Кавказский политический клуб. – Москва: Издатель А.В. Воробьев, 2024. – С. 171.

подчеркнуть, что эта мера (возвращение ислама в пространство политики и государственного управления) проводилась Н. Эрбаканом, А. Гюлем и Р.Т. Эрдоганом под лозунгами «расширения индивидуальных свобод» и даже «европеизации», что позволило представить демонтаж одного из ключевых символов кемалистского публичного пространства как либеральную реформу.

Главным институциональным проводником этой политики стало Управление по делам религии (Diyanet). Из органа по контролю над религией, каким оно было при кемалистах, Диянет превратился в мощный инструмент государственной идеологии с беспрецедентно раздутым бюджетом, превышающим бюджеты нескольких министерств<sup>18</sup>. Его деятельность вышла далеко за рамки отправления культа, включив в себя пропаганду «правильного», лояльного государству ислама как внутри страны, так и за рубежом<sup>19</sup>, что сделало Диянет эффективным инструментом неоосманской «мягкой силы». «Официальная Анкара, – пишут В.А. Аватков и А.И. Сбитнева, – нацелилась на главенство в этноконфессиональной среде»<sup>20</sup>.

Параллельно в правоприменительной практике произошла знаковая инверсия. Если ранее репрессивный аппарат государства в лице Уголовного кодекса был направлен, в первую очередь, на защиту светских устоев, то в новой модели он все чаще используется для защиты религиозных чувств и официальной морали. Ключевую роль в этом играет статья 216 Уголовного кодекса Турции, карающая за открытое унижение религиозных ценностей, принятых частью общества. Правозащитные организации даже фиксируют, что эта норма активно используется для преследования журналистов, активистов и рядовых граждан за любые высказывания, которые могут быть расценены как критика ислама или пророка Мухаммеда<sup>21</sup> (здесь нам интересна констатация факта того, что прорелигиозная норма «активно используется»). Таким образом, право из инструмента секуляризации превратилось в инструмент защиты религиозной идентичности большинства населения, что является характерной чертой консервативно-авторитарных режимов.

---

<sup>18</sup> Бюджет Diyanet превзошел бюджет 11 министерств. Diyanet'in bütçesi 11 bakanlığı geride bıraktı // BBC Türkçe. – 20.10.2021. – Турец. яз. – URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-58989996> (дата обращения: 12.09.2025).

<sup>19</sup> Гумеров М.М., Гусева Ю.Н. Управление по делам религии Турецкой Республики (Диянет) и современные российские муфтияты: вопросы взаимодействия на современном этапе // Исламоведение. – 2024. – № 2 (60). – С. 20–21.

<sup>20</sup> Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 291–302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.

<sup>21</sup> Turkey: Article 216 and the Prosecution of 'Insulting Religious Values' // Amnesty International. – 2016. – URL: <https://www.amnesty.org/en/search/?q=Turkey%20Article%20216&sort=date> (дата обращения: 30.08.2025). (Прим.: Генпрокуратура России в мае 2025 г. объявила «Amnesty International» нежелательной организацией).

Этот идеологический курс нашел свое отражение и в законодательных инициативах, выходящих за рамки уголовного права. Например, реформа системы образования, реализованная через Закон «О внесении изменений в Закон о начальном образовании и обучении и другие законы»<sup>22</sup>, привела к росту числа религиозных школ имам-хатыбов и усилению исламского компонента в учебных программах. Под предлогом децентрализации и расширения выбора была создана система, способствующая воспроизводству консервативной идентичности в молодом поколении.

Таким образом, конституционная реформа 2017 г. стала не только институциональным, но и идеологическим актом. Она создала правовой каркас для патерналистско-консервативной модели, в которой право систематически используется для продвижения неоосманской идентичности, поддержки «официального» ислама и подавления инакомыслия (главным образом, кемалистской реакции) под широкими предлогами защиты национальной безопасности, общественной морали и религиозных чувств.

### **Заключение**

Проведенный комплексный анализ позволяет утверждать, что конституционная реформа 2017 г. в Турции представляет собой не техническую корректировку системы правления, а системный переворот, знаменующий наступление качественно нового этапа в развитии турецкой государственности – «Четвертой республики». Этот вывод основывается на последовательном доказательстве двух ключевых тезисов, сформулированных в ходе исследования.

Во-первых, реформа осуществила окончательный разрыв с кемалистской республиканской моделью в ее институциональном измерении. Модель «опекаемой демократии» с доминирующей ролью парламента и военно-бюрократического «арбитража» (Совет национальной безопасности), унаследованная от Конституции ТР 1982 г., была заменена на суперпрезидентскую систему. Упразднение поста премьер-министра, сосредоточение всей исполнительной власти и законодательных прерогатив (право издавать указы) в руках президента, а также ослабление контрольных функций парламента и судебной власти – все это свидетельствует не об эволюции, а о кардинальной смене конституционного дизайна. Этот сдвиг стал возможен благодаря предварительному демонтажу «глубинного государства» через политически мотивированные судебные процессы («Эргенекон», «Кувалда»), которые нейтрализовали главных потенциальных противников трансформации – армию и светско-кемалистскую элиту.

---

<sup>22</sup> Закон от 30.03.2012 № 6287. Sayı: 28261. Kanun No: 6287 // Resmi Gazete. – 30.03.2012 – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/04/20120411-8.htm> (дата обращения: 19.10.2025).

Во-вторых, современная правовая система Турции завершила свою эволюцию от агрессивного лаицизма к патерналистско-консервативной модели, где право используется как инструмент продвижения официальной идеологии. Легализация хиджаба под лозунгами свободы совести, превращение Диянета в рупор государственной «мягкой силы» (огосударствление ислама), применение статьи 216 УК ТР для защиты религиозных чувств – все это элементы целенаправленного курса по формированию новой, неоосманской, конституционной идентичности, которая не отказывается полностью от кемализма, однако не стесняется реанимировать исторические и культурные нарративы османского прошлого страны. Право в этой модели обеспечивает идеологический и моральный контроль над обществом, легитимируя авторитарную концентрацию власти необходимостью защиты «национальной воли» и «консервативных ценностей».

Возражение о том, что формально продолжает действовать Конституция ТР 1982 г., не отменяет качественного характера произошедших изменений. Конституционная реформа, ведущая к перераспределению властных полномочий, способна изменить саму природу политического режима, даже если формально текст конституции сохраняется. В турецком случае юридическая оболочка Основного закона была сохранена, но его сущностное, системообразующее содержание – принцип разделения властей и источник легитимности исполнительной власти – было радикально изменено.

Таким образом, «Четвертая республика» является институциональным воплощением идеологии неоосманизма, представляющей собой синтез унаследованного от кемализма этатизма и новой консервативно-религиозной парадигмы. Возможно, в текущие дни неоосманизм как новая государственно-правовая реальность только раскрывается, «набирает обороты», может, явно не манифестировал на авансцене, однако «тихая революция» и концентрация власти в руках главных архитекторов и проводников новой идеологии обеспечили почву для этого. Этот гибридный режим, сочетающий формальные демократические процедуры с монополизацией власти и идеологизацией права, определяет не только внутривнутриполитический ландшафт современной Турции, но и ее амбициозную, суверенную роль в системе международных отношений в эпоху глобальных трансформаций.

### **Список источников и литературы**

1. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 291–302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.
2. Байрамов А.Г. Эволюция формы Турецкого государства (XIII–XX вв.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011.

3. Гумеров М.М., Гусева Ю.Н. Управление по делам религии Турецкой Республики (Диянет) и современные российские муфтияты: вопросы взаимодействия на современном этапе // Исламоведение. – 2024. – № 2 (60). – С. 17–31. – DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-17-31.
4. Исазаде А.Р. Государственный строй и правовая система Турции. – Баку: Издательство «Азербайджан», 2005. – 345 с.
5. Конституция Турецкой Республики (принята Законом № 334 от 9 июля 1961 г.) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 09.07.1961. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1961-anayasasi/> (дата обращения: 25.08.2025).
6. Конституция Турецкой Республики (принята Законом № 491 от 20.04.1924) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 20.04.1924. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1924-anayasasi/> (дата обращения: 15.08.2025).
7. Конституция Турецкой Республики (принята Учредительным собранием 18 октября 1982 г., с изм. и доп. от 21.01.2017) // Официальный сайт Конституционного Суда Турецкой Республики. – 18.10.1982. – URL: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/anayasa/> (дата обращения: 03.09.2025).
8. Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Ататюрком и Эрдоганом: монография / Кавказский политический клуб. – Москва: Издатель А.В. Воробьев, 2024. – 208 с.
9. Мамедов А.Э. Идеиное наследие Ататюрка в годы испытаний: Исмет Инёню между кемализмом и пантюркизмом // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 120–125.
10. Мамедов А.Э. Турецкая Республика: историко-правовой анализ трансформации от Ататюрка к Эрдогану // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 635–644.
11. Такас М. Религиозная политика Демократической партии Турции (1946–1950) // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2020. – № 1 (118). – С. 61–66.
12. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 5: монографии. Содерж.: Конституционная реформа в современном мире. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении. – Москва: РАН, 2018. – 504 с.
13. Özbudun E. The Constitutional System of Turkey: 1876 to the Present. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – 208 p.
14. Özbudun E. Turkey's Judiciary and the Drift Toward Competitive Authoritarianism // The International Spectator. – 2015. – Vol. 50, № 2. – P. 42–55. – DOI: 10.1080/03932729.2015.1020651.
15. Turkey 2020 Report // European Commission. – Brussels, 2020. – URL: [https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/turkey-report-2020\\_ru](https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/turkey-report-2020_ru) (дата обращения: 12.09.2025).
16. Turkey: Article 216 and the Prosecution of ‘Insulting Religious Values’ // Amnesty International. – 2016. – URL: <https://www.amnesty.org/en/search/?q=Turkey%20Article%20216&sort=date> (дата обращения: 30.08.2025). (Прим.: Генпрокура-

- тура России в мае 2025 г. объявила «Amnesty International» нежелательной организацией).
17. Venice Commission. Opinion N 875/2017 on the Amendments to the Constitution adopted by the Grand National Assembly on 21 January 2017 and to be submitted to a National Referendum on 16 April 2017 // Council of Europe. – Strasbourg, 2017. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2017\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2017)005-e) (дата обращения: 15.10.2025).
  18. Бюджет Диянета обогнал бюджеты 11 министерств. Diyanet'in bütçesi 11 bakanlığı geride bıraktı // BBC Türkçe. – 20.10.2021. – Турец. яз. – URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-58989996> (дата обращения: 12.09.2025).
  19. Внимание! По всем обвиняемым в деле «Кувалды» вынесен оправдательный приговор! Flaş! Balyozda tüm sanıklara tahliye! // Milliyet. – Турец. яз. – URL: <http://siyaset.milliyet.com.tr/balyozda-ilk-tahliye/siyaset/detay/1899685/default.htm> (дата обращения: 22.04.2026).
  20. Закон от 21.01.2017 № 6771. Sayı: 29965. Kanun No: 6771 // Resmi Gazete. – 21.01.2017. – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2017/02/20170211-1.htm> (дата обращения: 01.10.2025).
  21. Закон от 30.03.2012 № 6287. Sayı: 28261. Kanun No: 6287 // Resmi Gazete. – 30.03.2012 – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/04/20120411-8.htm> (дата обращения: 19.10.2025).
  22. Заявление ПСР о президентстве: референдум может быть проведен в апреле. AKP'den başkanlık açıklaması: Nisan ayında referanduma gidilebilir // Bir Gün. – 19.10.2016. – Турец. яз. – URL: <https://www.birgun.net/haber/akp-den-baskanlik-aciklamasi-nisan-ayinda-referanduma-gidilebilir-132029> (дата обращения: 12.10.2025).